

Курляндская полиція ¹⁾.

Глава VI.

Во главѣ уѣздной полиціи Прибалтійскаго края стоитъ „уѣздный начальникъ“ (исправникъ), у него помощники старшій и 2—3 младшихъ. Они обыкновенно, завѣдуя участками, живутъ въ уѣздномъ городѣ. Но съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ тѣ, которые иногда живутъ и въ мѣстечкахъ (въ Гольдингенскомъ уѣздѣ одинъ—въ Фрауэнбургѣ) и тогда онъ соотвѣтствуетъ становому приставу. Далѣе въ городѣ есть городской приставъ, его помощникъ—надзиратель. Наконецъ, штатъ городовыхъ и урядниковъ. Послѣдніе живутъ въ большихъ имѣніяхъ, пользуются отъ барскихъ щедротъ квартирою и всѣмъ прочимъ, что ставитъ ихъ въ весьма зависимое положеніе отъ помѣщиковъ и заставляетъ заискивать у нихъ.

Помимо уѣздной и волостной полиціи, въ Прибалтійскомъ краѣ есть и еще одна „полиція“—мызная. Районъ ея дѣятельности—предѣлы имѣнія; обязанность—слѣдить за батраками. Начальникъ мызной полиціи—владѣлецъ имѣнія, арендаторъ. Слѣдовательно, помѣщикъ по отношенію къ своимъ батракамъ, является не только хозяиномъ, но и какъ бы начальникомъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, высшіе чины уѣздной полиціи земцы и по большей части бароны. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что батраки находятся въ положеніи, такъ сказать, одностороннемъ. Къ тому же ст. 122 XIV тома (уст. о предупрежденіи и пре-

¹⁾ См. „Русская Старина“, июль 1913 г.

свѣченіи преступленій) повелѣваетъ: „Полиція имѣетъ попеченіе чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ“. „Болѣе младшихъ“, какъ батракъ, въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ. И полиція, по крайней мѣрѣ, съ этого времени „имѣла попеченіе“ на законномъ основаніи. Хотя она и должна руководствоваться упомянутымъ томомъ, пересмотрѣннымъ въ 1895 г., но рядомъ съ этимъ, и „данными наказами и инструкціями, такъ и правилами въ семъ уставѣ (XIV т.) опредѣленными“. И это, конечно, породило необыкновенную путаницу. Собственнаго закона поэтому для полиціи не существуетъ, его замѣняютъ губернаторскіе циркуляры. Они извѣстны — писали себѣ, что Богъ на душу положилъ. Глубокій знатокъ „помпадуровъ“ Щедринъ приводитъ намъ образецъ такого циркуляра: „Господамъ исправникамъ, становымъ приставамъ и урядникамъ, а чрезъ нихъ и прочимъ всякаго званія людямъ. Здравствуйте! А между тѣмъ, что же мы видимъ!!! При формѣ правленія все отъ него исходящее! и обратно туда возвращающе. Что же подлежитъ заключить!? Что сердца начальниковъ радующе, сердца то же, сердца унывающе... то же! А между тѣмъ, что же мы видимъ!! Совсѣмъ наоборотъ“. И т. д. въ этомъ духѣ. Это сатира, конечно; но, не будь глупости, не было бы и сатиры. Въ доброе старое время писали нѣчто подобное. Теперь циркуляры пишутся гладко. Но развѣ не достоинъ сатиры циркуляръ, отданный уже въ наши дни однимъ г. губернаторомъ придѣпровскаго города, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ все въ городѣ снимали шапки, а при входѣ вставали. Бригадный генераль стремился завести въ городѣ дисциплину; пусть жители того придѣпровскаго города будутъ благодарны и за то, что временный ихъ сатрапъ не приказывалъ имъ становиться во фронтъ...

Составъ прибалтійской полиціи, какъ говорилось, пополняется изъ лицъ мѣстнаго дворянства, бароновъ; конечно, побѣдиѣ. Хотя, впрочемъ, далеко не всегда; мы знаемъ одного старшаго помощника—владѣльца прекраснаго имѣнія. Все они держатъ себя величественно, одѣты всегда съ иголки на гвардейскій пошибъ. Люди они безспорно воспитанные, взятокъ не берутъ безусловно. Уѣздный начальникъ величаетъ себя „начальникомъ уѣзда“. Перефразировка не важная, но пріятнѣе звучитъ; чуть что не „начальникъ края“. Положеніе полиціи въ мѣстномъ обществѣ не принижено, какъ нашей, кадры которой формируются изъ разныхъ неудачниковъ—недоучекъ. Въ Курляндіи наоборотъ—это тѣ же потомки рыцарей; кость отъ кости дво-

рянской. Сами губернаторы смотрѣли на уѣздныхъ начальниковъ иными глазами. Губ. Зиновьевъ, напр., своими циркулярами вмѣнялъ имъ въ обязанность заниматься главнымъ образомъ внутренней политикой—объединеніемъ русскаго общества съ нѣмецкимъ.

„Начальники уѣздовъ“, подражая своимъ патронамъ для пущей важности писали также циркуляры, не уступавшіе Щедринскому образцу. Съ виѣшной стороны, говорятъ (намъ ихъ читать не приходилось), „это была сплошная грамматическая ошибка, съ внутренней—нѣчто въ высшей степени несуразное“. Сельская полиція изъ латышей должна была читать ихъ, волостныя правленія и мызныя полиціи обязаны были къ тому же выписывать ихъ съ платою по три рубля въ годъ.

Вообще знаніемъ русскаго языка чины курляндской полиціи похвалиться не могутъ, не говоря уже объ умѣніи мало-мальски сносно писать на немъ. Извѣстенъ такой случай. Одному барону, уѣздному начальнику, потребовалось сдать экзаменъ на первый чинъ. Когда ему задали сочиненіе на тему о собакѣ, онъ написалъ: „Собака суть животное“. Дальше, какъ ни думалъ, выдумать ничего больше не могъ. Затѣмъ, его спросили, какая была самая распространенная религія во время процвѣтанія Римской Имперіи; онъ отвѣтилъ: „православная“. Чина, кажется, не получилъ, но „начальникомъ края“ пребываетъ и по днесь.

Образцы грамотности курляндскихъ бароновъ не разъ намъ приходилось видѣть. Къ сожалѣнію, не снялъ копій. Но вотъ, когда наша статья уже была почти окончена, въ газетѣ одной, какъ доказательство ихъ безграмотности по-русски, былъ напечатанъ слѣд. достойный вниманія рапортъ:

„Ея Высокородія господ. гроб. Г. уѣздному начальнику фонъ М.

Рапортъ.

Почтительно мѣю чистъ скоро говорить, что я и баронъ Г. били по дѣламъ у слидуватель другъ стался вереной мѣни горадовой Бурбе и скоро говорить Гольдингеской улица траарѣ ни ознанъ чиливекъ бисъ жизни лежитъ, я скорій со всеми приѣхали верно на камнѣ чиливекъ, голова крови пульсъ не стушить пришли убежденія померъ чиливекъ. Я чиливекъ тотъ экстринно послали больница. Разбойника сичасъ шу савтра рапиртурій хорошо если бо сигодня 2 ч. 6 м. ночи мой письмоводителя нетъ на канцелярой.

24/1. 07. Мл. помощ. 2 уч. баронъ-фонъ Ш.“.

Барона Ш. мы очень хорошо знаем — приходилось съ нимъ ѳздить на слѣдствія, обыски. Это во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, образованный человекъ; полиція такимъ чиновникомъ можетъ только гордиться; служить онъ пошелъ на склонѣ лѣтъ не изъ-за жалованья—человекъ онъ обезпеченный, хотя революціонеры и сожгли его мызу. Баронъ Ш. отличается удивительною для своихъ лѣтъ энергіею. Дѣлу усмиренія преданъ фанатически; ради этого, надо полагать, и пошелъ въ полицію, въ рядахъ которой во всякомъ случаѣ ему не мѣсто. Въ разгаръ дѣятельности карательныхъ отрядовъ онъ руководилъ однимъ эскадрономъ подъ начальствомъ юнаго поручика. Ничего предосудительнаго о дѣятельности этого отряда слышать не приходилось.

Сознавая слабыя познанія свои въ русскомъ языкѣ, самъ баронъ Ш. пишетъ въ рапортѣ: „савтра рапиртурій хорошо“, такъ какъ „письмоводителя нѣтъ на канцелярой“. Дѣйстви-тельно, безъ письменоводителя онъ какъ ракъ на мели.

Авторъ анонимной газетной замѣтки, приведшій этотъ курьезный рапортъ, озаглавилъ ее такъ: „Цвѣтокъ Прибалтійской баронской грамотности“. Онъ въ ней между прочимъ въ благородномъ негодованіи пишетъ: „Чтобы дать читающей публикѣ кое-какое понятіе объ *образованности* мѣстныхъ нѣмецкихъ бароновъ, приводимъ здѣсь дословную копію“... И далѣе: „вотъ такіе-то господа руководятъ жизнию и благоустройствомъ края“. И т. д. Словомъ, очень презрительно по адресу „грамотея“. Конечно, незнаніе государственнаго языка непохвально, но авторъ замѣтки, видимо, не знаетъ, что только сравнительно въ очень недавнее время дѣлопроизводство въ правительственныхъ учрежденіяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ ведется на русскомъ языкѣ. До того же оно даже въ судахъ велось на нѣмецкомъ языкѣ, который и былъ официальнымъ. Бароны учились въ Дерптскомъ университетѣ по-нѣмецки. Всѣ эти грѣхи противъ русскаго языка лежатъ поэтому на отвѣтственности правительства.

Названная газетная замѣтка написана правильнымъ русскимъ языкомъ—но это не служитъ еще доказательствомъ, напр., безукоризненности автора и его непогрѣшимости въ сужденіяхъ. Въ составѣ Курляндской полиціи помощниками уѣз. начальника служатъ и латыши, но рѣдко и преимущественно тѣ, которые „натурализовались“ въ нѣмцевъ. Русскихъ очень не много—

за все время пришлось встрѣтить только одного помощника русскаго—онъ жаловался горько и говорилъ, что чувствуетъ себя совсѣмъ одинокимъ—товарищъ и начальство какъ бы не признають его за непринадлежность къ ихъ національности. Отъ русскаго для службы въ Курляндской губ. требуется знаніе нѣмецкаго и латышскаго языковъ—безъ чего дѣйствительно здѣсь обойтись невозможно.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

